

*УБИЙСТВО
ПО ЛЮБВИ*

КЭРОЛАЙН КЕПНЕС

ТЫ



Москва
2019

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К35

Caroline Kepnes
YOU

Copyright © 2014 by Alloy Entertainment and Caroline Kepnes
Cover design by Natalie C. Sousa



Школа перевода
В. Баканова



Кепнес, Кэролайн.

К35 Ты / Кэролайн Кепнес ; [пер. с англ. К. А. Карпова-вой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-100363-0

«Гипнотически и ПУГАЮЩЕ. Никогда не читал ничего подобного».

— *Стивен Кинг*

«Фантастически пугающий триллер... Он из тех книг, ради которых ты приостанавливаешь свою жизнь».

— *Glamour*

«Умно и пронзительно».

— *Elle*

«Блестящая история... В ней «Исчезнувшая» сплетается со зловещей версией «Девчонок».

— *Marie Claire*

Джо Голдберг, продавец из книжного магазина, очень непростой парень. Ну то есть как непростой... Не такой, как все. Поэтому большей частью он один. Ну то есть как один... Время от времени он влюбляется в интересных девушек, всякий раз веря, что нашел идеальные отношения. Но всякий раз оказывается, что идеал пока недостижим, и Джо расстается с девушками. Ну то есть как расстается... Скажем так, они уходят из его жизни. Но наконец-то он нашел ЕЕ. О ней он узнал все. Ну то есть как все... АБСОЛЮТНО ВСЕ. Она перед ним как открытая книга. Теперь ошибки быть не может — эта любовь должна быть идеальной. Осталось лишь убедить в этом избранницу. Ну то есть как убедить...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Перевод на русский язык.
Карпова К., 2018

© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100363-0

1

Ты заходишь в магазин. Аккуратно придерживаешь дверь. Смущенно улыбаешься, как хорошая девочка. Ногти без яркого лака, бежевый джемпер с треугольным вырезом — и не разглядеть, есть ли на тебе лифчик. Ты вся такая чистая, что в голову сами лезут грязные мысли. Мурлычешь мне «привет», хотя большинство покупателей просто проходят мимо. В свободных джинсах, розовых, как наивный маленький поросенок из детской книжки «Паутинка Шарлотты». И откуда ты такая взялась?

У тебя правильное лицо и стройная фигура — ты моя персональная Натали Портман из последней сцены фильма «Близость», посвежевшая после расставания с плохими английскими парнями, вернувшимися домой в Америку. Твой дом — я, и ты вернулась ко мне в 10:06 во вторник. Ты возникла в моем мире, и мне стоило бы принять таблетку лоразепама, но он внизу. А я не хочу уходить. Хочу не отрываясь наблюдать, как ты грызешь ноготь и поворачиваешь голову влево — нет, не то! — снова покусываешь розовую плоть, вскидываешь брови, смотришь вправо — опять не то! — биографии тебя не интересуют, но, хвала небесам, ты не из тех, кто сразу бросается спрашивать. Ты проходишь вглубь и останавливаешься у полок с художественной прозой.

О да.

Успокоенный, я отворачиваюсь. Ты не из тех вездесущих закомплексованных нимф, которые покупают Фолкнера и потом, ни разу не открыв, годами держат его на прикроватной тумбочке лишь ради того, чтобы внушить случайным мужчинам, подцепленным на одну ночь, будто они не спят с кем попало и вообще не такие. Ты реально другая! Не выставляешь напоказ Фолкнера и не носишь джинсы в обтяжку. Для Стивена Кинга — слишком улыбчивая и загорелая, для Хайди Джулавиц — не слишком модная. За чем же ты пришла?

Чихаешь на весь магазин. Я представляю, как ты, должно быть, громко кончаешь, и кричу:

— Будьте здоровы!

Ты хихикаешь и кричишь в ответ, негодная, похотливая девчонка:

— Спасибо, приятель.

Приятель? Ты флиртуешь?! Если б я торчал в «Инстаграме», непременно запостил бы фоточку стеллажа, за которым ты скрылась, с подписью «Да, я нашел ее».

Стоп, Джо, спокойней. Они не любят, когда парни заводятся сразу. Хвала небесам, к кассе подваливает какой-то типчик с очередным Сэлинджером. Сколько ему? На вид около тридцати шести. И он собирается читать «Фрэнни и Зуи»? Серьезно? Нет, какое там! Сэлинджером он прикрыл Дэна Брауна, лежащего снизу. Я давно работаю в книжном и привык, что люди стыдятся себя. Первым я прошу подать Дэна Брауна таким тоном, будто это детское порно, говорю, что «Фрэнни и Зуи» — охрененная книжка, типчик кивает, а ты все еще выбираешь: я вижу твой бежевый свитер за стеллажом. Если ты потянешься еще капельку выше, то оголится живот. Увы, ты берешь книгу со средней полки и садишься в проходе. Я представляю, что ты останешься здесь до закрытия, как Натали Портман в фильме «Там, где сердце» (снятом на удивление при-

лично по отстойному дамскому романчику). И найду тебя ночью среди книг. Только, конечно, ты не будешь беременной, а я не буду увальнем. Я наклонюсь и скажу: «Извините, мисс, мы закрыты», а ты посмотришь на меня и улыбнешься: «А я не закрыта... Я распахнута настежь, приятель».

— Эй! — влезает типчик. Он еще не ушел? — Где мой чек?

— Извините.

Выхватывает бумажку с ненавистью, но не ко мне — к себе. Люби люди себя хоть чуточку больше, сфера обслуживания не была бы такой выгребной ямой.

— И не строй из себя умника! Ты просто продаешь книги. Не издаешь, не пишешь и даже не разбираешься в них как следует, иначе работал бы в каком-нибудь месте получше. Так что не ухмыляйся и пожелай мне хорошего дня!

Мне все равно, что он там лепит, этот тайный любитель конспирологического чтива. Но его слышишь ты. Ты как раз появляешься из прохода с милейшей улыбкой Натали Портман. Я смотрю на тебя. Ты смотришь на него, а он смотрит на меня, ожидая.

— Хорошего дня, сэр, — выцеживаю я с улыбочкой, и он еще больше ненавидит себя за то, что вспылит из-за такой ерунды.

Когда за ним закрывается дверь, я выкрикиваю, ведь ты слушаешь:

— Детективы — как раз твой уровень, придурок!

Ты улыбаешься, а я радуюсь, что сейчас утро: по утрам у нас всегда пусто — никто не помешает. Тыставишь корзину с книгами на прилавок и с вызовом спрашиваешь:

— Меня тоже оцените?

— Ну и урод, да?!

— Может, просто не в духе.

Как мило! Стараешься разглядеть в людях лучшее. Ты мне подходишь.

— Если б не такие придурки, — начинаю я, хотя мне стоило бы заткнуться, и я хочу заткнуться, но не могу, — этот бестселлер давно уже отправился бы на свалку.

Ты смотришь на меня с интересом, а я хочу разузнать о тебе все, однако спросить не решаюсь, поэтому продолжаю нести чушь:

— Все мечтают стать лучше: скинуть пару килограмм, прочитать пару умных книг, сходить в музей, полюбить классическую музыку... А на деле хотят только жрать пончики, полистывать журналы и слушать попсу. А бумажные книги? Кому они нужны? Все читают с экрана. И знаешь почему?

Ты смеешься и мотаешь головой, хотя другая на твоём месте давно слилась бы, уткнувшись в телефон. А ты слушаешь меня! И ты красивая.

— И почему же?

— Я скажу почему. В Интернете теперь можно найти любую порнушку..

Черт! Я сказал «порнушка», вот идиот! Но ты все же слушаешь, что за умница!

— Больше не надо идти в прокат и мямлить, глядя в глаза консульганту, что любишь пожестче. Зрительный контакт — вот то, что не дает нам оскотиниться.

У тебя огромные миндалевидные глаза, и я не могу остановиться:

— То, что держит в узде.

На пальце у тебя нет обручального кольца, и я продолжаю:

— То, что делает нас людьми.

У тебя ангельское терпение, и мне надо бы замолчать, но я не в силах.

— Электронные книги сделали то же самое с чтением. Исчезла система сдержек и противовесов. Теперь

можно не стесняясь прилюдно читать Дэна Брауна: все равно никто не видит обложки. Конец цивилизации! Но...

— Всегда есть какое-нибудь «но», — вставляешь ты с улыбкой. Готов поспорить, у тебя большая дружная семья, в которой все то и дело обнимаются и поют песни у костра.

— Но книжные магазины — ее последний оплот, ведь вся музыка и фильмы давно в Интернете. Больше нет видеосалонов с умниками-консультантами, которые цитируют Тарантино, фанатеют от Дарио Ардженто и обдают вселенским презрением любителей мелодрам с Мег Райан. Взаимодействие между покупателем и продавцом, сам акт покупки — главный механизм регулирования. Без него все развалится, это очевидно.

Не уверен, что тебе так же очевидно, как и мне; впрочем, ты не попросила меня заткнуться и даже кивнула.

— Музыкальные магазины были эквалайзером вкусов, а их продавцы с презрительным взглядом «Что это у вас? Тейлор Свифт?» — хранителями культуры. И не важно, что, приходя домой, они сами дровичили на эти поющие трусы.

Ты смеешься. Надо мной или вместе со мной?

— В общем... — начинаю я. Только скажи, и я замолкну.

— В общем... — повторяешь ты и ждешь, чтобы я продолжил.

— Пожалуй, только приходя в магазин, мы честны перед собой. Этот парень явился сюда не за Дэном Брауном. Или Сэлинджером. Он явился, чтобы исповедаться.

— А ты, значит, священник?

— Нет, я — церковь.

— Аминь.

Ты смотришь в свою корзину и, наверное, считаешь меня сумасшедшим. Я тоже заглядываю в корзину и вижу твой телефон. На стекле трещина. Желтый чехол. Похоже, ты из тех, кто ждет, пока гром не грянет. И лекар-

ства, поди, начинаешь пить только на третий день простуды. Я беру твой телефон и пытаюсь пошутить:

— Стянула у того парня?

Ты выхватываешь его у меня из рук и краснеешь.

— Это мой. Я плохая мамочка...

Мамочка? Ах ты, негодница! Я люблю такие игры.

— Да брось.

На твоем лице улыбка, а под джемпером точно нет лифчика. Ты выкладываешь книги на прилавок, опускаешь корзину на пол и смотришь на меня так, будто боишься критики. Соски напряглись, ты даже не пытаешься их прикрыть. Замечаешь мармеладки рядом с кассой.

— Можно? — Протягиваешь руку.

— Конечно.

Я сглатываю и достаю первую книгу. «Невозможный отпуск» Сполдинга Грея.

— Интересный выбор. Обычно берут его монологи, а эту книгу редко — особенно симпатичные девушки без суицидальных замашек, как у автора.

— Просто иногда тянет на темную сторону.

— Это точно, — киваю я.

Будь мы подростками, я бы тебя поцеловал. К сожалению, между нами прилавок и мы уже слишком старые для детского безрассудства. А для взрослых ночных игр еще слишком светло: солнце так и шпарит в окна. Черт, разве в книжном не должен царить приятный полумрак?!

Не забыть: пусть мистер Муни закажет жалюзи. Шторы. Да что угодно.

Я беру вторую книгу. Один из моих любимых писателей! Пола Фокс, «Отчаянные характеры». Хороший знак. Впрочем, радоваться рано: вдруг ты пришла к этому автору не как положено, через эссе Джонатана Франзена, а потому что прочитала в каком-нибудь дурацком блоге, что Пола — биологическая бабушка Кортни Лав.

Ты достаешь кошелек и замечаешь:

— Пишет великолепно, только — удивительно! — про нее никто не знает, хотя Франзен и расхвалил ее как мог.

Хвала небесам! Я улыбаюсь.

— «Западное побережье».

Ты отводишь взгляд.

— Не бывала.

Я смотрю на тебя в упор, ты поднимаешь руки, сдаваясь.

— Не стреляй!

Хихикаешь, а я хочу, чтобы твои соски снова напряглись.

— «Западное побережье» обязательно прочту, а «Отчаянные характеры» уже, наверное, наизусть знаю. Это для друга.

— Ясно, — киваю я, а в мозгу загорается красная лампочка. Для друга!

— Только он ее, наверное, и не прочтет... Зато хоть лишний экземпляр продается.

— Да.

Я готов набить морду этому уроду. Возможно, это твой брат, или отец, или сосед-гей, но ты назвала его другом. Я утыкаюсь в калькулятор.

— Тридцать один доллар пятьдесят один цент.

— Ого! Вот почему все переходят на электронные книги, — вздыхаешь ты, раскрываешь свой поросяче-розовый кошелек и вручаешь мне кредитку, хотя я вижу, что у тебя достаточно наличных. Значит, ты хочешь, чтобы я узнал твое имя. Намек понял. Выхватываю карточку. Молчание затягивается. Черт, почему я не поставил сегодня музыку? И в голову ничего не приходит. У тебя нет парня. Точно. Иначе б тебе не надо было покупать второй экземпляр Фокс, он мог бы взять твой.

— Пожалуйста. — Я протягиваю чек.

— Спасибо, — шепчешь ты. — У вас классный магазин.

Ставишь подпись. Твое имя — Джиневра Бек. Очень поэтично — ну у тебя родители и придурки... Джиневра! Серьезно?

— Спасибо, Джиневра.

— Все зовут меня Бек. Джиневра — слишком длинно и вычурно.

— Ого, Бек, я представлял тебя гораздо брутальнее. Всегда хотел сказать, альбом «Митнайт вулчэрс» — просто чума.

Ты забираешь пакет с книжками, не отводя взгляда, потому что хочешь видеть, как я смотрю на тебя.

— Да-да, Голдберг.

Ты прочитала мое имя на бейджике.

— Все зовут меня Джо. Голдберг — слишком длинно и вычурно.

Мы смеемся. Я тебе тоже понравился, иначе ты не стала бы читать мое имя.

— Может, и «Западное побережье» прихватишь?

— Нет, берегу ее на потом, она у меня в отдельном списке — для дома престарелых.

— Что-то типа «успеть перед смертью»?

— Нет, совсем другое. Это не про то, чтобы хоть раз прыгнуть с парашотом или побывать в Нигерии, а скорее прочитать «Западное побережье», посмотреть «Криминальное чтение», послушать последний альбом «Дафт панк»...

— Не могу представить тебя в доме престарелых.

Ты краснеешь. Точь-в-точь невинный поросенок из «Паутинки Шарлотты». Я окончательно влюбляюсь.

— Пожелаешь мне хорошего дня?

— Хорошего дня, Бек.

Улыбаешься.

— Спасибо, Джо.

Ты пришла сюда не за книгами, Бек. Ты называла меня по имени. Улыбалась, слушала, болтала. И расплатилась не наличными или дебетовой картой. На чеке осталась твоя подпись. Вот она, передо мной. Я прижимаю палец к еще влажным чернилам, и твое имя отпечатывается у меня на коже.

2

Я узнал об Эдварде Эстлине Каммингсе так же, как большинство моих наиболее чутких и умных сверстников: из самой романтической сцены в одном из самых романтических фильмов всех времен: «Ханна и ее сестры» Вуди Аллена, где ньюйоркец-интеллектуал Элиотт (в исполнении Майкла Кейна) признается в любви сестре своей жены (в исполнении Барбары Херши). Ему нельзя действовать в открытую, поэтому он караулит девушку и подстраивает случайную встречу на улице. Тонко, умно, романтично — ради любви можно потрудиться. Вместе они идут в книжный магазин — улавливаете параллель? — где он покупает ей книгу Э.Э. Каммингса и просит прочитать стихотворение на странице сто двенадцать.

Потом нам показывают, как она сидит одна у себя на кровати с книгой, а он стоит у себя в ванной и думает о ней. Мы слышим, как она читает. Моя любимая строчка: «Ни у кого, ни у дождя даже, нет таких маленьких рук».

Кроме тебя, Бек. За эти несколько дней я узнал все. Ты часто пускаешь в ход свои маленькие ручки, и это вновь напомнило мне о «Ханне и ее сестрах»: в одной из сцен Миа Фэрроу дразнит Вуди Аллена, что безудержная мастурбация его загубит. С тобой, я надеюсь, такого не случится.

Проблема лишь в том, что нас вряд ли поймут. Узнай кто-нибудь, что ты кончаешь по три раза за ночь в пол-

ном одиночестве, а я наблюдаю за тобой также в полном одиночестве, и меня сочтут извращенцем. Однако люди в большинстве своем — конченные идиоты, которые любят дешевые секреты и ни разу не слышали про Полу Фокс и «Ханну и ее сестер». Так что, Бек, к черту этих уродов, верно?

Мне нравится, что ты предпочитаешь справляться сама, а не наполняешь свой дом и вагину чередой убогих придурков. Ты — живое опровержение тошнотворной банальщины о засилье беспорядочных половых связей. У тебя есть принципы, и имя твоё — Джиневра. Ты ждёшь того самого — Единственного. Готов спорить, так и говоришь про себя «Единственный», когда мечтаешь о нём. Обо мне. Люди нетерпеливы, они хотят все и сразу, а ты — с такими маленькими руками — готова ждать.

Да будет благословенно имя твоё. На наше счастье, в мире оказалась не так уж много Джиневр Бек. Точнее, всего одна.

Первое, что я должен был выяснить, — откуда ты родом, и, хвала Интернету, теперь, Бек, я знаю о тебе все. Найти твой профиль в «Твиттере» не составило труда:

«Джиневра Бек
@TheUnRealBeck

Не держу невысказанных мыслей. Сочиняю истории. Читаю истории. Болтаю с незнакомцами. Нантакет¹ — мой дом, Нью-Йорк — содом».

На других сайтах нашлись откровенные посты (или эссе, как ты их называешь) в блогах, недвусмысленные дневниковые записи (или рассказы) и пронзительные стихи.

Ты писательница. Родилась и выросла в Нантакете. Отпускаешь шуточки про островное кровосмешение

¹ Н а н т а к е т — остров в Атлантическом океане, расположен в 48,3 км к югу от м. Кейп-Код и в 24 км к востоку от о. Маргас-Вингьярд. Входит в состав шт. Массачусетс.

(но сама к нему отношения не имеешь), мореплавание (хотя сама боишься кораблей) и героин (твой отец кололся). У тебя дружная семья, потому что все живут порознь. Тебе трудно приходится в городе, где никто никого не знает, хотя ты и переехала сюда уже четыре года назад, поступив в Брауновский университет. Была зачислена каким-то чудом из списка ожидания и сама до сих пор не веришь своей удаче. Любишь поленту и злаковые батончики со вкусом вишневого пирога. Не фотографируешь еду и концерты, но «Инстаграм» ведешь — выкладываешь старые снимки отца и свои детские фото. У тебя есть брат Клайд — ого, да твои родители точно чокнутые — и сестра Аня — нет, ну реально чокнутые, только немного иначе, чем я вначале предполагал. Согласно кадастровым записям, родительский дом всегда принадлежал твоей семье. Твои предки были фермерами, и ты любишь по случаю упомянуть, что они обжили Нантакет, а не просто осели в нем. Сплошные уточнения, предупреждения и оговорки, как на пачке сигарет, — многовато для профессионального литератора.

Аня живет на острове и никуда уезжать не собирается. Хочет только гулять по пляжу и наблюдать, как волны туристов со сменой сезонов то затопляют остров, то откатывают от него. Она совсем тронулась из-за отца. Ты постоянно пишешь о ней в своих рассказах, выставляя то мальчиком, то слепой старухой, то однажды потерявшейся белкой. Но меня не обманешь: ты думаешь о ней. Завидуешь ей. Жалеешь ее. И все потому, что у нее нет амбиций.

Клайд — из вас старший. К нему перешел семейный бизнес: островная служба такси. Он женат, имеет двоих детей и не колется, максимум покуривает. Это видно по его фотографии в местной газете: крепкий, загорелый среднестатистический американец, добровольный